

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)**

**ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
Кафедра журналистики**

**МЕМУАРИСТИКА СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Выпускная квалификационная работа

**студента очной формы обучения
направления подготовки 42.03.02 Журналистика
4 курса группы 86001211**

Голуцкого Дмитрия Юрьевич

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики
Меринов В. Ю.

Рецензент
старший преподаватель
кафедры журналистики,
Севриков А.М.

БЕЛГОРОД 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЕМУАРИСТИКА: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	7
1.1 Мемуаристика, специфика жанра.....	7
1.2 Особенности отечественной мемуаристики XX века.....	9
1.3 Общие тематические направления мемуаристики Великой Отечественной войны.....	16
Выводы к главе I.....	24
ГЛАВА II. МЕМУАРИСТИКА СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	28
2.1 Тема военного быта, психологического состояния воина, тылового обеспечения.....	28
2.2 Женщины на войне.....	34
2.3 Бой и смерть.....	37
Выводы к главе II.....	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	47
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	49

ВВЕДЕНИЕ

Тема Великой Отечественной войны очень популярна в Российском обществе. А мемуары о Великой Отечественной войне представляют большой интерес для ученых разных научных направлений: историков, филологов, исследователей документальной прозы. Большое количество мемуарных произведений было издано в СССР, тем не менее, в последнее время появляются новые мемуарные произведения о войне. В этих воспоминаниях Великая Отечественная война выглядит иначе, чем в тех, что были опубликованы в советский период. Во многом это связано с существованием цензуры в Советском Союзе, которая не допускала к публикации произведения, не совпадающие с «генеральной линией» партии. Утрата компартией идеологической монополии и отмена цензуры, дали толчок появлению новых произведений мемуарной прозы, требующих изучения.

Актуальность нашей работы заключается в том, что научных исследований в данной области недостаточно. Мы полагаем, что необходим интегрирующий взгляд на содержание новых мемуарных работ, которые были опубликованы после 1991 года. Проблемно-тематический анализ этих мемуаров, позволил бы выявить общие тематические направления солдатской мемуаристики и сравнить эти направления с уже подробно изученной военной мемуаристикой советского периода. Все вместе это позволит открыть новые стороны в изучении исторической и культурной составляющей Великой Отечественной войны.

Объектом исследования являются – мемуары о Великой Отечественной войне.

Предмет исследования – мемуаристика солдат Великой отечественной войны.

Цель дипломной работы состоит в выявлении общих тем и проблемы, которые затрагиваются в мемуарах солдат ВОВ.

Исходя из поставленной цели, можно выделить следующие **задачи**:

– дать представление о советской мемуаристике, основных темах, затрагиваемых в ней;

– изучить тематические направления военных мемуаров опубликованных в СССР;

– рассмотреть основные темы солдатской мемуаристики

Теоретическая база дипломного исследования строится на основе разноаспектных научных работ. Мы опирались на труды следующих исследователей:

– в области истории и теории мемуаристики: Е.А. Макаренко, А.Г. Тартаковский, А.Н. Медушевский, А. Е. Чекунова, Н. Д. Чечулина, П.П. Пекарского;

– при анализе структуры советской и современной мемуарной литературы, их типологии, принципов разделения: Н.С. Комарова, А.А. Кулакова, М.С. Волина, Г.Д. Алексеева, Р.М. Савицкая, В.А. Кондратьев.

Эмпирическую базу исследования составили книги «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова (1991), С. Ковпака «От Путивля до Карпат» (1945), К. Грушевого «Тогда, в сорок первом» (1976), М. Бадигина «Бой требует подвига» (1976), С.С. Бирюзова «Когда гремели пушки» (1968), Л. Рабичева «Война всё спишет» (2009), сборник документальных фильмов «Моя Великая война» (2007) И. И. Николаев «Лейтенанты» (2009), Гранин Д. А. «Мой лейтенант» (2011), Н. Н. Никулин «Воспоминания о войне» (2008).

Методы исследования, использованные в работе, определяются целью, задачами, объектом и предметом исследования и включают в себя:

– историко-культурный метод исследования, который применялся при анализе исторического развития СССР и современной России;

– структурно-функциональный метод – при характеристике системы советской мемуарной литературы;

– метод типологизации – при классификации военной мемуарной литературы;

– описательный метод – при описании содержания мемуарных текстов;

– реферативно-аналитический, индуктивно-дедуктивный и сравнительный методы – для систематизации теоретического материала.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в спецкурсах и спецсеминарах по мемуаристике XX века.

Структура дипломной работы подчинена логике, цели и задачам исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и источников.

Во **введении** дается обзор изученности проблемы, излагаются актуальность, цели, задачи исследования, методы исследования, новизна исследования, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава под названием «Отечественная мемуаристика: историко-теоретический аспект» посвящена рассмотрению общей системы мемуарной литературы в советский и постсоветский период, дает исторический обзор развития мемуарной литературы, выделяет общие тематические направления. Во главе отдельно анализируются военные мемуары, в которых также выделяются общие темы характерные именно для мемуаристики советского периода. Определяются критерии солдатской мемуаристики.

Вторая глава – «Мемуаристика солдат Великой Отечественной войны: проблемно-тематический анализ» – посвящена выбору мемуарных произведений, которые подходят под определение неофициальной солдатской мемуаристики. Во главе неофициальные солдатские мемуары получают подробный проблемно-тематический

анализ. Выделяются общие темы, которые характерны только для этой категории мемуаров.

В Заключении сформулированы основные выводы работы.

ГЛАВА I. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЕМУАРИСТИКА: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.1 Мемуаристика, специфика жанра.

Мемуарная литература — это вид документальной литературы. Название жанра произошло от латинского слова *memoria*: «память». Жанр предполагает записанные воспоминания человека, комментарии и размышления которого направлены на осмысление реальных событий прошлого, участником которых ему пришлось побывать. Важная особенность мемуарной литературы заключается в претензии на достоверность воссоздаваемых событий прошлого.

Сегодняшний день у ученых до сих пор нет единой точки зрения о том, что по содержанию и форме можно отнести к мемуарам. Так Е.А. Макаренко под термин мемуары подводит сразу два понятия: воспоминания и дневники [10 с. 19]. В свою очередь А.Г. Тартаковский считает, что дневник — это исторически первичная и простейшая форма запечатления своего личного участия в исторической жизни. А воспоминания в свою очередь, является более сложной формой мемуарной культуры [16, с. 7].

Анализируя этапы изучения мемуарной литературы, Е.А. Макаренко выделяет несколько периодов, когда начинается активное изучение мемуаров. Он отмечает, что впервые мемуары используются в качестве источников для конкретных исторических исследований, начиная с 1950-х годов. В этот период роль мемуаров сводилась к выполнению трех функций: уточнение исторических фактов, привнесению в исторические труды необходимой конкретики, приданию исследованию эмоциональной окраски. Позже, в 1970-х годах был сделан следующий шаг, когда мемуаристику стали воспринимать как памятник общественно-политической мысли описываемой эпохи и эпохи их создания. В этой

мемуаристике начинают распознавать авторскую субъективность: об описываемых событиях и о времени, когда велось описание. [10 с. 25]

Как форма словесности мемуаристика имеет свои признаки — преобладание в тексте событий, фактографичность, ретроспективность. Мемуары являются одним из самых гибких жанров, у которого нет чётких границ. Наличие вышеперечисленных признаков далеко не всегда говорит о том, что мы имеем дело с мемуарами. Так, в книге «Подводя итоги» автор Сомерсет Моэм предупреждает, что его произведение не является ни мемуарами, ни автобиографией, хотя в книге есть признаки жанра. В литературе 19-20 века становятся частыми случаи стилизации художественных романов под мемуары [15. с. 10]. Обычно это делалось для того, чтобы через черты жанра воссоздать атмосферу времени, как делал Пушкин в «Капитанской дочке», где записки Петра Гринева полностью соответствовали жанру. Иногда стилизация под мемуары делалась для того, чтобы придать тексту большую достоверность.

В.Г. Короленко в своих мемуарах «История моего современника» писал: «В своей работе я стремился к, возможно, полной исторической правде, часто жертвуя ей красивыми или яркими чертами правды художественной. Здесь не будет ничего, что мне не встречалось в действительности, чего я не испытал, не чувствовал, не видел» [38. с. 9].

Отсутствие вымысла и достоверность делают жанр мемуаров близким к научно-биографическим, автобиографическим и документально-историческим очеркам. При этом мемуары значительно отличаются, к примеру, от автобиографии. В автобиографических текстах акцент смещён на внутренние переживания автора, развитие его личности. Через собственную жизнь автор мемуаров в своих воспоминаниях пытается осмыслить исторические события, частью которых он являлся. В то же время, в отличие от научных жанров, мемуаристика предполагает ярко выраженное мнение автора, его оценок, которые складываются под влиянием исторической конъюнктуры. Искренность автора, полнота его

произведения и достоверность его впечатлений напрямую зависит от эпохи, в которой жил писатель и публиковались его труды. [25. с. 18]

Многие популярные мемуары были написаны людьми, которые играли важную роль в мировой истории (Черчилль, Екатерина II, Шарль де Голль). Такие произведения могут охватить большой период, иногда и всю жизнь автора. Часто историки проверяют мемуарные тексты известных людей, факты, которые приводятся в их воспоминаниях нередко остаются без подтверждения, впрочем, как и без опровержения. К тому же порой мемуаристы могут выставлять себя в выгодном свете перед потомками, иногда, чтобы оправдать себя перед обществом за собственные неудачи. Также важное значение имеет и объект воспоминаний: личность или важное событие в жизни общества.

1.2 Особенности отечественной мемуаристики XX века.

В XX веке в Российской империи, а потом и в Советском Союзе происходят важные общественные события, повлиявшие на отечественную мемуаристику: Первая мировая война, революция, Великая Отечественная война и др. В своих воспоминаниях авторы попытаются осмыслить прошедшие социальные катаклизмы. На положение отечественной мемуаристики огромное влияние оказало политическое устройство Советской России, в частности, существование цензуры. Под цензурирование в Советском Союзе попадала любая культурная продукция: от сценических выступлений и передач на радио и телевидении, до любой печатной продукции. В первую очередь, цензура обращала своё внимание на всё, что касается идеологических установок. Как в своей работе писал А.Н. Медушевский: «Система всеобщей политической цензуры включала различные формы и методы идеологического и политического контроля — наряду с прямыми (запрет публикации, цензорское вмешательство, отклонение рукописей)

применялись самые разнообразные косвенные методы, относящиеся к кадровой, издательской, гонорарной политике» [34 с. 48].

Во время войны было введено «Положение о военной цензуре в Красной Армии», которое действовало до конца войны. Даже военным запрещалось издавать собственные воспоминания. Позже, когда война закончилась были введены «Правила по сохранению военной тайны в печати Красной Армии». Эта государственная политика сильно повлияла на положение отечественной мемуарной литературы второй половины XX века.

После Великой Отечественной войны, воспоминания её участников: солдат, генералов, людей, которые работали в тылу, пользовались огромной популярностью у советского общества. Именно поэтому, публикуемые мемуары участников Великой Отечественной войны пристально проверялись цензорами на соответствие идеологическим требованиям. Некоторые мемуары становились «неофициальными», как правило, они писались «в стол». Многие из них были опубликованы только в конце 1980-х начале 1990-х, в эпоху Перестройки.

Мемуарная литература советского периода делится на несколько основных тематических блоков:

1. Первая мировая война 1914-1918 гг. В Советском Союзе публикуется ряд воспоминаний участников Первой мировой войны. В своих мемуарах авторы рассуждают о последствиях войны и итогах, к которым они привели. Среди авторов можно отметить: Брусилова А.А «Воспоминания» и Новикова В.Н «Мытарства русских солдат».

2. Гражданская война 1918-1922 гг. После Октябрьской революции и победы большевизма, общество пыталось осмыслить последствия, которые несет за собой новый политический строй. В основном, мемуары описывали сам период гражданской войны, и писались авторами, которые примкнули к красному движению. Характерной чертой для подобных мемуаров являлся положительный

образ коммунистической партии и её членов. Среди авторов можно отметить: Аралов С.И «Ленин вел нас к победе», Будённый С.М «Пройденный путь», Бонч-Бруевич М.Д. «Вся власть Советам!», Васильев В.Е «И дух наш молод», Ерёмин К.Г. «Солдатские версты».

3. Воспоминания о вождях СССР. В советском обществе личность руководителя Советского Союза имела огромное политическое влияние. Часто, решения советских вождей кардинально меняло жизненный уклад советских граждан, а их авторитет среди населения был неоспорим. Интерес к их личности всегда оставался на высоком уровне, что обусловило появление большого количество мемуаров, часть из которых была лично написана лидерами советского общества, а часть авторами, которые были с ними лично знакомы. Из мемуарной литературы на эту тему можно выделить: Гиль С. К. «Шесть лет с Лениным», Бажанов Б.Г. «Воспоминания бывшего секретаря Сталина», Хрущев Н.С «Воспоминания».

4. Освоение целины 1955-1965 гг. Политика проводимая Советским Союзом в целях наращивания производства зерна стала очень популярна в советском обществе. Самыми яркими воспоминаниями на эту тему можно считать воспоминания Л. И. Брежнева «Целина» (1978), которые полностью посвященная этой теме.

5. Военное и послевоенное детство. В конце XX века набирают популярность мемуары, которые рассказывают о военном и послевоенном детстве. Дети войны рассказывают о своей жизни. Примечательно, что такие мемуары чаще рисуют именно счастливое детство, несмотря на все последствия Великой Отечественной войны. Среди авторов можно выделить: Гурченко Л.М «Мое взрослое детство», Нина Шнирман «Счастливая девочка».

Отдельным тематическим блоком в этом списке идет Великая Отечественная война. Из всех тем она представлена наиболее обширно в советском обществе. Всего в Советском Союзе было издано огромное

количество мемуарных работ, которые рассказывали о военном периоде страны. Все они назывались, как «военные мемуары». С 1941 по 1976 год было выпущено 886 книг, об этом говорится в аннотированном указателе «О войне, о товарищах, о себе», который вышел в 1977 году. Позднее, в 1982 году вышел второй такой же указатель, который включал в себя ещё 828 произведений. Все книги официальной военной мемуаристики разделялись по роду войск, в которых служили авторы мемуаров. Самым многочисленным разделом стал «Сухопутные войска», второе и третье место по численности занимали воспоминания летчиков и военных служивших во флоте.

Помимо формального деления по роду войск, отечественные мемуары про войну можно разделить по трем признакам: тематика воспоминаний, социальный статус автора и период публикации мемуаров. Исходя из приведенных критериев можно выделить несколько блоков:

Лейтенантская проза. В СССР так называли художественные произведения, созданные русскими писателями советского периода, которые лично принимали участие в Великой Отечественной войне. И хотя с формальной точки зрения эти воспоминания считаются художественными, в своей основе они имеют сильную мемуарную составляющую. С конца сороковых до конца пятидесятых годов, сложилась тенденция к героизации Великой Отечественной войны. В этот период победа в войне воспринимается коллективным достижением, а жизнь солдата или тыловика, принимавшего участие в войне, не мыслилась без партийного или государственного контекста. Советские писатели, которые вернулись с фронта в своих произведениях начинают смещать акцент на личные ощущения участников Великой Отечественной войны. В массовом порядке такие произведения начинают печататься в 1960-х годах. Во многом это стало возможно благодаря периоду «оттепели», который начинается в 1953 году, после смерти Сталина [35. с. 19].

Учитывая свой военный опыт, писатели рассказывают о жизни обычных солдат, об их переживаниях и внутренних конфликтах, которые постоянно порождаются военными условиями жизни.

Первым произведением в жанре «лейтенантской прозы» можно считать повесть писателя-фронтовика Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Сама повесть была опубликована в 1946 году в газете «Знамя». В произведении, на тот момент, война представлялась совсем в другом ракурсе: со стороны обычного солдата, который рассказывает о том, что с ним происходило во время войны: «Утром мы хороним товарищей — Харламова, Сендецкого и командира взвода с седой прядью. Ночью их тела выносят с поля боя санитары. Карнаухова так и не нашли. Говорят, видали, как он с четырьмя бойцами ворвался в немецкие окопы. Там, по-видимому, и погиб. Ширяев приполз сам, залитый кровью, с беспомощно болтающейся рукой. Приполз, еле через бруствер перевалился и сразу сознание потерял. Отправили в санчасть. Я зашел туда. Полчаса тому назад его отвезли в медсанбат на ту сторону. Всего батальон потерял двадцать шесть человек, почти половину не считая раненых». В произведении впервые поднималась тема отступления в военных.

Несмотря на нетрадиционный подход в описании войны автор был награжден Сталинской премией второй степени. Позже он будет вспоминать обстоятельства вручения премии: «По непонятным мне причинам Фадеев не очень благосклонно отнесся к этой повести. Это уже потом мне рассказывал Всеволод Витальевич Вишневский, который был редактором журнала "Знамя" и опубликовал, и, нужно сказать, без всяких поправок и изменений, повесть. Но дальше, когда случилось совершенно неожиданное для меня событие — она получила Сталинскую премию, — Всеволод Витальевич вызвал меня, закрыл все двери, по-моему, даже выключил телефон и сказал: „Виктор Платонович, вы знаете, какая странная вещь произошла? (Он сам был членом Комитета по Сталинским

премиям). Ведь вчера ночью, на последнем заседании Комитета, Фадеев вашу повесть вычеркнул, а сегодня она появилась“. За одну ночь только один человек мог бы вставить повесть в список. Вот этот человек и вставил» [34. с. 65].

Однако, публикация такого произведения носила скорее исключительный характер. Широко публиковаться произведения, которые относятся к жанру «лейтенантской прозы», начнут только с середины пятидесятых годов, когда начнется период «оттепели». В это время станет возможно более критическое отношение и освещение военной действительности. Тогда же и начинают публиковаться произведения писателей-фронтовиков: Константина Воробьева, Василия Быкова, Григория Бакланова, Юрия Бондарева и других. Лейтенантскую прозу часто критиковали за узкий взгляд на описываемые события, звучали обвинения в «дегероизация подвига».

Воспоминания блокадников. Отдельной категорией выделяют воспоминания жителей блокадного Ленинграда. В своих воспоминаниях авторы рассказывали об условиях, в которых им приходилось выживать во время оккупации. Большинство из этих воспоминаний будут опубликованы только после 1991 года. Ярким примером этого типа мемуаров служат воспоминания Ольги Берггольц. Изданные в 1944 году, её воспоминания о блокаде были полностью изъяты из обращения. А история жизни поэтессы стала наглядным примером взаимоотношений власти и человека в период военного и послевоенного времени. Во время блокады Ленинграда Ольга Берггольц работала на радио, где выходила в эфир с патриотическими речами, призывая жителей города проявлять мужество. При этом сама поэтесса до войны несколько раз исключалась из Союза Советских писателей, а в 1938-1939 годах была арестована на полгода за «связь с врагами народа» — её подозревали в заговоре против Жданова и Ворошилова.

Также яркими представителями блокадной мемуаристики можно считать Даниила Гранина и Алеся Адамовича. В соавторстве они написали «Блокадную книгу», в которую вошли и воспоминания блокадников.

Генеральские мемуары. Учитывая статус авторов и их роль в войне, к их воспоминаниям было приковано огромное внимание не только со стороны общественности, но и со стороны цензоров. Например, мемуары «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова маршала Советского Союза (впервые были изданы в 1969 году), на сегодняшний день с учётом различных правок переиздавались десять раз. Из оригинальных рукописей известно, что советская цензура довольно часто редактировала текст Жукова, особенно там, где он рассказывал о начальном этапе войны.

Помимо Жукова, среди высшего командного состава армии свои воспоминания после себя оставили: А. И. Ерёмченко, Н. Г. Кузнецов, К. Н. Галицкий, А. А. Гречко, Е. Я. Савицкий, В. Д. Лавриненков, Л. А. Дубровин, А. Г. Рытов, Г. В. Зимин, К. П. Казаков, Д. А. Журавлёв, А. Г. Головкин, В. И. Платонов, Н. Г. Кузнецов, В. Ф. Трибуц, Г.М.Егоров, Н. И. Крылов, К. С. Москаленко, Д. Д. Лелюшенко, И. С. Конев, В. И. Чуйков, К. А. Мерецков, А. П. Белобородов, А. А. Алтунин, Д. Т. Язов.

Партизанские повести. Во время Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Советского Союза действовало около шести с половиной тысяч партизанских соединений. Всего численность партизан во время войны оценивалась в 1 миллион человек [4. с. 19]. Некоторые из них оставили после себя воспоминания, в основном это представители командного состава. Партизанские мемуары отличаются яркой идеологической составляющей: «Но на каком бы участке мы ни работали, каким бы специальным делом ни занимались, все мы прежде всего были солдатами одной армии — великой армии большевиков, людьми, выращенными и воспитанными партией Ленина — Сталина, её сынами, и

никогда не было для нас ничего более дорогого, чем наша партия, наше Советское государство” [30. с. 49]. Авторами партизанских повестей были: С. А. Ковпак «От Путивля до Карпат», П.К. Игнатов «Записки партизана», Бринский А. П. «По ту сторону фронта: Воспоминания Партизана»,

Солдатская мемуаристика. Под термином «солдатская мемуаристика» мы понимаем воспоминания непосредственных участников боевых действий низших воинских званий. В советское время, пожалуй самой известной мемуарной телепередачей был цикл встреч Сергея Смирнова, часто с рядовыми ветеранами ВОВ. Передача проверялась цензорами, поэтому рассказы ветеранов, не всегда отражали полной картины происходящего на войне. Солдатская мемуаристика, которая без прикрас рассказывает о суровых солдатских буднях, начинает появляться только после 1991 года, когда перестанет существовать Советский Союз. Появляются такие авторы, как Леонид Рабичев, Сумбат Сумбатов, Игорь Николаев и др.

1.3 Общие тематические направления мемуаристики Великой Отечественной войны.

В этой части нашего исследования, на примере генеральской, солдатской и партизанской мемуаристики, мы рассмотрим общие темы которые присутствуют во всех отечественных мемуарах о Великой Отечественной войне.

Начало войны

Тема «начала войны» фигурирует практически во всех воспоминаниях того времени. Дата, 22 июня, поделила жизнь людей на «до» и «после». Из анализа мемуарных работ, следует, что отношение людей к войне разделилось. Фактически из-за советской пропаганды образовалось две реальности, в одной из которых обычные люди и

младший командный состав армии были уверены, что после нападения, Советский Союз отобьет атаку и быстро разгромит врага на его территории. Леонид Рабичев, лейтенант вспоминает: «вся семья обсуждала начало войны за столом, думали, что это на недели 2-3, думали, что сразу победим. Об этом же много фильмов было, о наших военных возможностях, поэтому мы были уверены, что сразу быстро победим» [32 с. 35].

Игорь Николаев заочно согласен с Рабичевым, как будущий лейтенант на фронте он рассказывает: «Во всех фильмах наши солдаты всегда громили врага и гнали его с нашей земли. Но в реальности всё оказалось не как в кино»[29 с. 80]. Об уверенности советских граждан в быстрой победе говорят и другие воспоминания. Например, военный врач Сумбат Сумбатов, говорит, что все вокруг были уверены в том, что Красная армия быстро справится с врагом: «Только на следующий день после объявления войны мою сестру, машинистку, и других работников завода собрали в горкоме партии, где сказали, что Гитлер напал на Советский Союз. А самое главное, что наша авиация уже бомбит Берлин. Вот такие оптимистичные слухи были»[19 м. 20].

Из воспоминаний командного состава становится понятно, что Советский Союз до последнего пытался избежать войны с Германией. В своих мемуарах Сергей Бирюзов командир 132-й стрелковой дивизии рассказывает, что в штабе им постоянно напоминали о нарастающем напряжении в мире и что в любой момент Германия может напасть на Советский союз: «но в то же время поставили в известность, что Сталин категорически запретил открывать огонь по германским военным самолетам, которые с начала 1941 года безо всякого зазрения совести нарушали установленный режим, проникали вглубь советского воздушного пространства и, несомненно, вели аэрофоторазведку» [13. с. 67].

Эти слова подтверждаются и Константином Жуковым, маршалом Советского Союза. 22 июня он был в штабе и анализировал информацию, которая поступала с границы. Из его воспоминаний следует, что всё высшее командование советской армии находилось в напряжении, так как было очевидно, что Германия готовится к нападению, однако Сталин запретил хоть как-то реагировать на складывающуюся ситуацию. В своей книге «Воспоминания и размышления» Жуков рассказывает, что даже когда с границы начали поступать сообщения о нападении Германии, Сталин до последнего не хотел признавать этот факт: «Мы доложили обстановку. И. В. Сталин недоумевающе сказал:

- Не провокация ли это немецких генералов?

- Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... - ответил С. К. Тимошенко.

- Если нужно организовать провокацию, - сказал И. В. Сталин, - то немецкие генералы бомбят и свои города... - И, подумав немного, продолжал: Гитлер наверняка не знает об этом. Надо срочно позвонить в германское посольство, - обратился он к В. М. Молотову»[15. с. 213].

Анализируя мемуары высшего командного состава армии, можно сделать вывод, что Советский Союз был совершенно не готов к войне с Германией. Позже Жуков будет отмечать, что хоть и ситуация на фронте в начале войны была тяжелая, обычные люди, а главное, солдаты были уверены в скорой победе Красной армии. Эту заслугу он относил к работе пропаганды: «Два важнейших фактора: внедрение в сознание наших воинов и населения непоколебимой уверенности в нашей победе и необходимость накопления резервов с целью увеличения глубины обороны фронта»[15 с. 187].

Исходя из нашего анализа можно сделать вывод, что начальный период войны нашел своё отражение практически во всех военных мемуарах. Однако, отношение авторов к началу войны было разным и менялось по мере повышения социального статуса авторов. Так, обычные

люди не могли доподлинно знать, о том в каком положении находятся военные силы Советского Союза, поэтому строили свои предположения на основании пропаганды: заявления в прессе, кино и литература. Партийные работники и низшие командные чины были в курсе напряженной военной ситуации, но так же были уверены в превосходстве советской армии. И только генеральный штаб и высшие чины советской номенклатуры знали о реальном положении дел в начале войны, так как обладали достаточным количеством информации. Такая ситуация будет сохраняться в первые месяцы войны, пока не начнется массовая мобилизация.

Мобилизация

После того как стало понятно что Германия напала на Советский союз, вся страна начала усиленно перестраивать экономику для военных нужд. Началась мобилизация. Считаем что этот период является одним из самых важных во всей истории Великой Отечественной войны, так как от успешной мобилизации зависел исход всех военных действий. Мобилизация наглядно показала уровень готовности нашей страны к началу боевых действий.

В военных мемуарах период мобилизации у разных авторов отражен по-разному: молодежь записывалась в добровольцы, партийные работники должны были наладить работу государственных органов и проконтролировать перестройку экономики на военные нужды, командующий состав приводил военные силы в боевую готовность. Большинство людей были уверены в готовности Советского Союза отразить нападение врага, однако на деле многие из них встречались с неорганизованностью и неразберихой в рядах военных сил страны: «с первого дня войны в Москву нельзя было попасть, и явится на свой призывной пункт, — рассказывает Сумбат Сумбатов, будущий военный врач на фронте. — Вот такие глупости у нас были везде, и нельзя

было об этом говорить. Запретил товарищ Сталин, мудрый наш, ехать в Москву. Из всех студентов на своём курсе я один всеми правдами и неправдами вернулся в Москву». Уверенные в скорой победе Советского Союза люди попадая на фронт быстро разочаровывались, часто это разочарование находило своё отражение в мемуарах: «Начало было очень неорганизованное, — продолжает Сумбат Сумбатов. — Вот идет мобилизация, по плану на каждого человека должны быть медикаменты и оружие, но мобилизация сорвалась и ничего этого не было. Вот прибыл батальон, а там не то что оружия, там обуви не у всех хватает. Это наша неорганизованность, нас били, били по всем правилам, потому что слабых бьют».

Примечательно, что некоторые авторы мемуаристики иначе описывают обстановку на фронте в первые месяцы войны. Например, Михаил Бадигин командир расчета противотанкового оружия в своей книге «Бой требует подвига», которая была выпущена в 1980 году, рассказывает, что его расчет, в основном проигрывал немцам в стратегическом плане, так как Германия постоянно навязывала свои условия боя. А вот с вооружением у солдат всё было в порядке: «были плюсы и общего порядка: хорошая укомплектованность соединений, обученность войск, оснащённость боевой техникой, надёжное взаимодействие» [30. с. 55].

Многие мемуаристы перед тем как попасть на фронт проходили специальные курсы, получали военную профессию и уже в звании лейтенантов отправлялись на передовую. В своих воспоминаниях авторы по-разному оценивают условия, в которых они обучались военному делу. Например, тот же Михаил Бадигин утверждает, что интенсивные курсы ему очень помогли: постоянные изматывающие тренировки, строевая подготовка и хорошие командиры подготовили его к боевым действиям. А вот Леониду Рабичеву повезло меньше: «училище было самой страшной полосой моей жизни» [32. с. 46]. Подобные противоречия часто

возникают, когда сравнивается «официальная» и «неофициальная» мемуаристика. Это не значит, что «официальная» мемуаристика является неправдивой, скорее её цель носит воспитательный характер, желание авторов показать идеологию, которой они руководствовались во время войны. Так, мемуары политработника Константина Грушевого тоже рассказывают о недостаточной оснащённости армии, признавая проблему: «выяснилось, что некоторых запасов по линии военного ведомства в области не существует, а войскам требовались и сапоги, и гимнастерки, и шинели, и нательное солдатское белье, и многое другое, вроде бы и не столь существенное, но без чего не повоюешь, например артиллерийская упряжь, саперные лопаты или самые обычные солдатские ремни», — заключает Константин Грушевой в своей книге «Тогда, в сорок первом», которая была опубликована в 1976 году [17. с. 22].

При этом Константин Грушевой, будучи партийным деятелем в своих воспоминаниях постоянно ссылается на роль партии в войне, говоря о том что обычными людьми была создана мощная материально-производственная база, которая была бы невозможна без грамотного управления со стороны коммунистической партии. Продолжая изучать воспоминания Константина Грушевого можно узнать одну историю про снабжение армии. Грушевой рассказывает, что в городе, где он осуществлял партийную работу, на одном из заводов наладили выпуск котелков: «Выглядели такие котелки непривычно и не всем военным пришлись по душе. Однако в конце концов белые котелки получили признание, ими снабдили все части, формировавшиеся в Днепропетровской области» [17. с. 46]. Так как котелки тесно связаны с военным бытом солдат, то, конечно, их упоминание можно встретить и в солдатских мемуарах. Вот что об этом пишет Игорь Николаев, миномётчик: «Больше всего меня веселит, когда сейчас на праздники выдают солдатскую кашу. У нас даже котелки были только под первое. У

немца был котелок с крышкой и ручкой, крышка служила для второго, а ложка могла трансформироваться в вилку» [16. с. 111].

Анализируя мемуары верховного командования можно сделать вывод, что штаб военных сил был в курсе проблем, которые связаны с мобилизацией страны. В своей книге Жуков рассказывает: «Слабость нашей оперативно-тактической обороны состояла главным образом в том, что из-за отсутствия сил и средств было невозможно создать ее глубокое эшелонирование. Оборона частей и соединений, по существу, носила линейный характер» [15. с. 111].

Эти слова подтверждаются и другими участниками тех событий, многие солдаты вспоминают, что прежде, чем попасть на фронт они неделями колесили по железнодорожным станциям «наматывая круги», при этом зачастую дивизии формировались неравномерно, составы со военным снаряжением, оборудованием и оружием часто прибывали не в те места, куда должны были.

Исходя из нашего анализа видно, что период мобилизации также нашел своё отражение в военных мемуарах. Анализируя воспоминания можно проследить, как меняется отражение этой темы с учётом военного статуса автора. Так, командный состав армии видит эту проблему со стратегических позиций: нарушения эшелонирования, проблемы со снабжением и подготовкой кадров. В свою очередь, обычные солдаты испытывая на себе все ошибки командования, рассказывая о том, как на фронте хватало сапог и лекарств. Именно поэтому многие мемуаристы, которые приходили на фронт с воодушевлением, наблюдая повсеместные ошибки командования, разочаровывались в армии и государстве, что несомненно находило отражение в их воспоминаниях.

Сталин и партия

Ещё одной популярной темой в военных мемуарах является фигура Сталина. Его личности уделяется большое внимание, особенно в

«официальных» воспоминаниях командного состава военных сил СССР. В этих мемуарах Сталин неразрывно связан с коммунистической партией, а его роль признается решающей во влиянии на ход Великой Отечественной войны.

«Речь И. В. Сталина, директива партии и правительства, обращенные к народу, звучали как могучий тревожный набат, в котором слышались отзвуки знаменитого ленинского призыва: «Социалистическое Отечество в опасности!» [15. с. 77]. — Вспоминает в своих мемуарах Жуков. Он часто говорил о Сталине, в этом смысле его воспоминания уникальны, так как позволяют охарактеризовать Сталина с личной стороны настолько, насколько это было возможно при существующем уровне цензуры. Жуков рассказывал, что Сталин далеко не всегда был объективен в своих оценках действий военачальников: «Я и сам это испытал. И. В. Сталин не выбирал выражений; он мог легко и незаслуженно обидеть человека, даже такого, который всеми силами стремится сделать все, на что он способен» [15. с. 56].

После анализа воспоминаний Жукова, можно сделать вывод, что полководец стремился объективно оценивать поведение Сталина в разных ситуациях, однако, большая часть его оценок будет опубликована гораздо позже в последующих переизданиях его книги. «Действительно ли И. В. Сталин был выдающимся военным мыслителем? Конечно, нет. Все это нагородили в угоду И.В.Сталину, чему способствовал он сам» [15. с. 29], — рассуждает Жуков. Понятно, что подобные мысли не могли быть опубликованы в Советском Союзе.

В списке «официальной» мемуаристики командного состава воспоминания Жукова являются скорее исключением. Большинство анализируемых нами автором в своих оценках однозначно положительно оценивают Сталина, хотя лично с ним были незнакомы. Например, лидер партизанского движения Сидор Ковпак во время войны встречался со Сталиным один раз, однако, на протяжении всей своей книги восхищается

его личностью: «Когда мы говорили — Москва, в мыслях был Сталин <...> И хотя это не было для меня неожиданностью, я ещё в самолёте представлял, как это может произойти, но по пути в Кремль я думал только одно: сейчас войду в кабинет Сталина, увижу его, он будет со мной разговаривать»[30. с. 44]. В воспоминаниях Ковпака Сталин представляется чутким и понимающим человеком, а его военные стратегические решения не подлежат сомнению.

Говоря о личности Сталина также нельзя не упомянуть коммунистическую партию, о которой тоже постоянно вспоминали в военных мемуарах. В ходе анализа выяснилось, что партия и её члены, как правило, чаще упоминаются в «официальных» мемуарах, и сугубо в положительном контексте. Роль партии отмечается во всех сферах жизни советских граждан на протяжении всей войны, особенно в её начале.

Выводы к Главе I

1. Мемуарная литература важный источник изучения истории. Несмотря на то, что мемуаристика уступает по достоверности официальным документам, она является дополнительным инструментом, который помогает объемно анализировать прошедшие события в обществе. В XX веке отечественная мемуаристика развивалась находясь под сильным влиянием государственного строя. Также на судьбу жанра повлиял ряд важнейших мировых событий: Первая мировая война, Октябрьская революция и Великая Отечественная война.

2. В своём большинстве вся официальная отечественная мемуаристика по тематическому признаку делится на несколько блоков. В советский период основными темами мемуарной литературы становятся: Первая мировая война 1914-1918 гг, Гражданская война 1918-

1922 гг, Освоение целины 1955-1965 гг, Воспоминания о вождях СССР, и период Великой Отечественной войны.

3. В отечественной мемуаристике XX века огромное внимание уделено осмыслению периода Великой Отечественной войны. Всего в Советском Союзе официально публикуется почти две тысячи произведений основанных на воспоминаниях участников войны. После 1991 года в современной России начинают публиковаться неофициальные, до этого неизвестные мемуары военных, которые записывали свои воспоминания но не могли их опубликовать из-за существования цензуры в Советском Союзе. Такие мемуары концентрируют свое внимание на обычном солдате, а также критически оценивают военное руководство СССР.

4. Анализируя воспоминания участников великой отечественной войны мы выяснили, что помимо формальных критериев разделения военных мемуаров по роду войск, также все военные мемуары можно разделить по следующим принципам: тематика воспоминаний, социальный статус автора и период публикации мемуаров.

5. Используя вышеперечисленные критерии мы смогли выделить основные блоки военных мемуаров: «Лейтенантская проза», «Генеральская мемуаристика», «Партизанские повести», «Блокадные воспоминания», «Солдатская мемуаристика». Из всего списка блок «солдатской мемуаристки» является самым не популярным в советском обществе. Фактически в отечественной военной мемуаристике почти нет примеров воспоминаний обычных солдат, которые бы рассказывали о суровом военном быте. Единственным примером такой мемуаристики можно считать телевизионную программу Сергея Смирнова, в которую он приглашал ветеранов Великой Отечественной войны и берет у них интервью. Программа выходила с согласия органов цензуры, поэтому воспоминания фронтовиков, которые звучали в программе имели официальный характер. Большое количество солдатских мемуаров начнет

появляется только после 1991 года, когда свое существование прекратит Советский Союз, а вместе с ним и органы цензуры. Эти мемуары будут называться неофициальными, так как взгляд авторов на Великую Отечественную войну и их воспоминания будут сильно отличаться от принятой советской точки зрения.

6. Далее мы выделили основные тематические направления, которые присутствуют во всей отечественной военной мемуаристике. Так образовалось три глобальные темы: «начальный этап войны», «мобилизация», «Сталин и коммунистическая партия». Эти темы встречаются практически во всех военных мемуарах и включают в себя множество других маленьких тем.

7. Из анализа стало понятно, что в неофициальных мемуарах Великая Отечественная война изображается несколько иначе, чем в официальных. Сравнивая эти типы воспоминаний, можно обратить внимания на то, как представители «неофициальной» мемуаристики уделяют большое внимание деталям и бытовым вещам на войне, а также скептически относятся к заслугам военного командования, в то время как «официальные» воспоминания стремятся передать масштаб действия и их формализм. Официальная мемуаристика рассказывая о Великой Отечественной войне, старается удерживать акцент на заслугах государства, партии и личной роли Сталина. А неофициальная мемуаристика концентрирует свое внимание на личности обычного человека, который попадает на фронт. При этом мы обнаружили ряд тем, которые практически не встречаются в официальной мемуаристике.

8. Также на примере анализа видно, что часто мнение автора к той или иной теме зависит от его социального статуса и времени публикации мемуаров. Так генеральские мемуары представляют Великую Отечественную войну как набор военных и тактических решений, в то время, как партизанские воспоминания рассказывают о войне с ярковыраженным идеологическим контекстом, а солдатская

мемуаристика, наоборот, его полностью лишена. Также в ходе анализа становится очевидно, что из-за цензуры и пропаганды население Советского Союза не сомневалось в быстрой победе Красной армии над Германией, в то время, как реальное положение дел на фронте было катастрофически сложным.

ГЛАВА II МЕМУАРИСТИКА СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

2.2 Тема военного быта, психологического состояния, тыла

Для анализа мы взяли мемуары Николая Никулина российского и советского искусствоведа, члена Российской академии художеств. В момент начала войны он закончил десятый класс и добровольцем хотел попасть на фронт. Однако был направлен на курсы в радиошколу. Окончив обучение в звании младшего сержанта Николай попал на Волховский фронт радиотелефонистом. За свою боевую карьеру успел побывать в пехоте и наводчиком на 37-мм пушке. Был несколько раз ранен. Свои мемуары записал еще в 1976 году, однако не мог их опубликовать, так как воспоминания не проходили советскую цензуру. Книга «Воспоминания о войне» увидит свет только в 2007 году. «Мемуары, мемуары... Кто их пишет? Какие мемуары могут быть у тех, кто воевал на самом деле? У летчиков, танкистов и прежде всего у пехотинцев? Ранение — смерть, ранение — смерть, ранение — смерть и все! Иного не было. Мемуары пишут те, кто был около войны. Во втором эшелоне, в штабе. Либо продажные писаки, выражавшие официальную точку зрения, согласно которой мы бодро побеждали, а злые фашисты тысячами падали, сраженные нашим метким огнем», — рассуждает в своей книге Николай Никулин [29. с. 11].

Также в анализе присутствуют воспоминания Леонида Рабичева российского поэта, писателя-мемуариста. В 1941 году его зачислили в Ленинградское училище связи, откуда он выпустился в 1942 году в звании лейтенанта. С декабря 1942 служил в действующей армии командиром взвода 100-й отдельной армейской роты ВНОС. Участвовал в боевых действиях по освобождению Смоленска, Орши, Борисова, Минска, в боях в Восточной Пруссии. О своём участии в войне Леонид Николаевич

говорил: «я был связистом при управлении 31-й армии, обслуживал штабы. Я не убил ни одного немца» [32. с. 22]. В 2008 году выходит его книга «Война всё спишет», в которой он рассказывает о трудном быте советских солдат и о несправедливости, которая повсеместно происходила на войне.

Используются мемуары Игоря Николаева, советского и российского кинорежиссёра и сценариста. В 1943 году он окончил Пуховичское пехотное училище в звании лейтенанта. На фронте командовал взводом минометчиков, участвовал во взятии Берлина. Был дважды ранен. В 2009 году публикуется его книга «Лейтенанты», в которой Николаев рассказывает о том, что ему пришлось пережить на войне.

Помимо этого мы анализировали воспоминания Даниила Гранина, писателя и сценариста. Его книга «Мой лейтенант» впервые была опубликована в 2011 году. «Мой лейтенант» считается художественным произведением, однако, как указывает сам автор, в его книге присутствует сильная мемуаристическая основа.

Также мы анализировали расшифровки документального сериала «Моя великая война» режиссёра и автора Андрея Зайцева. Сериал снимался на протяжении четырех лет с 2012 по 2016 года. В 40-минутных сериях фронтовики на камеру дают интервью и рассказывают о своей жизни во время войны. Всего было снято 12 серий по 40 минут. Зайцев брал интервью у летчиков, танкистов, связистов и врачей. В том числе, интервью, которое используется в анализе давал Сумбат Сумбатов, полевой врач, который попал на фронт сразу в начале войны.

Тема военного быта повсеместно встречается в солдатских мемуарах. В некоторых случаях описание военной жизни занимает около половины всех воспоминаний автора. Вспоминая о своей военной жизни, часто авторы хотят рассказать, как на самом деле обстояли дела на войне: «Цель этих записок состоит отчасти в том, чтобы зафиксировать некоторые почти забытые штрихи быта военного времени. Поскольку

данная рукопись не была предназначена для постороннего читателя, я могу избежать извинений за рискованные выражения и сцены, без которых невозможно передать подлинный аромат солдатского быта — атмосферу казармы» [29. с. 48]. — Объясняет в своей книге Николай Никулин. Аналогичную аннотацию можно встретить и в книге «Мой лейтенант» Даниила Гранина: «Окопная правда» — за нее поносили военную литературу, повести и романы, написанные бывшими солдатами. Никак «окопная правда» не сходилась с правдой генеральских мемуаров, с правдой штабов, сводок Информбюро, газетных очерков. У солдат была своя горькая правда драпающих частей, потерявших управление, правда окруженных дивизий, армий, когда в плен попадали десятками тысяч, правда преступных приказов командующих, которые боялись своих начальников больше, чем противника».

Часто отношение к солдатскому быту зависит от времени, к которому обращается автор. Так, в начале войны, когда сложилась тяжелая ситуация на фронте, солдаты всю тяжесть начального этапа войны не только в бою, но и в обыденной жизни. «Солдаты болели цингой, я выдавал им состав из хвои. Сначала сопротивлялись, а потом требовать начали. Продуктов не было: кусок сала варили в котелке, а бульон заедали заплесневелыми сухарями. Солдаты умирали застывшими в траншеях. Мы говорили об этом политработникам, которые воспринимали это в штыки. Они не хотели соглашаться с тем, что в армии плохо кормят» — Вспоминает Сумбат Сумбатов, полевой врач. Продовольственная тема часто встречается в солдатских мемуарах, при этом практически все авторы неофициальной мемуаристики говорят о плохом питании на фронте в первые годы войны: «кормили нас неважно... как говорили «"суп рататуй, кругом вода, а посередке ***". В наступлении получше кормили. Водку давали после боя, потому что старшины не идиоты. Если дать солдату перед боем, а он умрет? А командиры тоже хотят лишнего выпить, да и нам тоже немного больше

доставалось»[16. с. 148]. — Вспоминает Игорь Николаев, лейтенант-минометчик.

Сам Н.Н. Никулин в первый раз попал на фронт как раз зимой, тогда привыкать к суровому военному быту ему было особенно трудно: «все было для меня непривычно, все было трудно: стоять на тридцатиградусном морозе часовым каждую ночь по четыре-шесть часов, копать мерзлую землю, таскать тяжести: бревна и снаряды (ящик — сорок шесть килограммов). Все это без привычки, сразу. А сил нет и тоска смертная. Кругом все чужие, каждый печется о себе. Сочувствия не может быть. Кругом густой мат, жестокость и черствость. Моментально я беспредельно обовшивел — так, что прекрасные крошки сотнями бегали не только по белью, но и сверху, по шинели»[29. с. 132]. При этом Никулин отмечает, что трудные условия фронта угнетали его только первое время. В будущем он привык к суровому солдатскому быту и приспособился к реалиям военного времени: «В одну сравнительно тихую ночь, я сидел в заснеженной яме, не в силах заснуть от холода. Чесал завшивевшие бока и плакал от тоски и слабости. В эту ночь во мне произошел перелом. Откуда-то появились силы. Под утро я выполз из норы, стал рыскать по пустым немецким землянкам, нашел мерзлую, как камень, картошку, развел костер, сварил в каске варево и, набив брюхо, почувствовал уверенность в себе. С этих пор началось мое перерождение. Появились защитные реакции, появилась энергия. Появилось чутье, подсказывавшее, как надо себя вести. Появилась хватка. Я стал добывать жратву»[29 с. 145].

Также из анализа стало ясно, что солдаты, говоря о плохом снабжении, часто сравнивают свой быт с немецким. Эта особенность свойственна именно фронтовикам, так как они, участвуя в военных действиях, могли наблюдать элементы благоустройства у немецких войск на захваченных или отбитых территориях. «У немца был котелок с крышкой и ручкой, крышка служила для второго, а ложка могла

трансформироваться в вилку», — продолжает вспоминать Игорь Николаев [16. с. 67]. Идеологические рамки не мешали солдатам пользоваться благами захваченных или убитых противников: трофейное оружие и одежда были повсеместным явлением на войне. В своих воспоминаниях Леонид Рабичев, лейтенант связист рассказывал, что зимой им приходилось снимать сапоги с трупов немецких солдат, так как в своих было холодно. Зимой мертвые тела на войне быстро замерзали, и поэтому солдатам приходилось отрубать у трупа ногу с сапогом, чтобы потом отогреть её и снять сапог.

Немцы не единственные с кем сравнивают себя фронтовики. Часто в солдатских воспоминаниях можно проследить отношение авторов к тылу: «Поразительная разница существует между передовой, где льется кровь, где страдание, где смерть, где не поднять головы под пулями и осколками, где голод и страх, непосильная работа, жара летом, мороз зимой, где и жить-то невозможно, — и тылами. Здесь, в тылу, другой мир», — вспоминает Николай Никулин [29. с. 67]. По его словам, в тылу всегда относительно спокойно, видно, что у автора есть обида на тех, кто служил в тылу: «Не война, а курорт!». Никулин отмечает, что те, кто воюют на передовой — не жильцы. А те, кто остались в тылу будут жить, и именно эти люди составят в будущем костяк ветеранов: «Отрастят животы, обзаведутся лысынами, украсят грудь памятными медалями, орденами и будут рассказывать, как героически они воевали, как разгромили Гитлера. И сами в это уверуют!» [29 с. 167].

Продолжая раскрывать эту тему, Леонид Рабичев рассказывает, как его периодически вызывали в штаб армии, в тыл. И всякий раз приход туда был потрясением для него: «в штабе все всегда были пьяные, вообще все, и генералы тоже. Почему?» Сам Леонид думает, что командные чины хоть и находились в относительной безопасности от немецких войск, но из-за своего статуса все равно оказывались в трудном положении. «От решения генерала зависел исход сражения, он понимал, что если

проиграет сражение — его расстреляют. Если выигрывает — награждают. Орденов у них много было...»[32. с 77].

Анализируя солдатские мемуары, конечно, нельзя не упомянуть о дружеских отношениях между солдатами. Из воспоминаний следует, что общие невзгоды сильно объединяли фронтовиков самых разных социальных статусов. Леонид Рабичев рассказывает, что у него в подчинении было около 40 человек, люди были совершенно разные: бывалые фронтовики, новобранцы и даже уголовники. «Кстати, они лучше всех воевали. Они были смелые, они выполняли приказы и у меня с ними был полный контакт. Народ героически вел себя, я любил своих солдат. Как к детям относился, знал как всех зовут, кто жена и сколько детей»[32. с. 187].

Авторы солдатских мемуаров часто вспоминают, что помимо дружбы на войне, конечно, было место и подлости. Доносительство, было неотъемлемой частью солдатского быта. Леонид Рабичев вспоминает, что устраивал поэтические вечера для своих солдат и иногда читал им книги, которые попадались на войне. В один из таких вечером он вслух читал им Библию, которую где-то нашел. «На меня написали донос, что я веду религиозную пропаганду. И вот однажды, ночью капитан ночью постучал ко мне в блиндаж и попросился переночевать, потому что потерялся. Мы с ним сидели, разговаривали за ужином долго, он меня расспрашивал много. Пить с ним начали. Наутро он мне всё рассказал, что его из СМЕРШа прислали из-за доноса на меня. Но он понял, что я не вел никакой религиозной пропаганды и решил меня выручить. Вместе с ним мы сожгли евангелие и донос, а мне он приказал молчать»[32. с. 211]

Мемуаристы отмечают, что на протяжении всей войны сохранялось чувство подозрительности друг к другу, военные вели себя осторожно, чтобы не привлекать внимания контрразведчиков. Сумбат Сумбатов рассказывает, что когда немецкие самолеты сбрасывали с неба прокламации солдаты боялись их читать, потому что могли попасть под

подозрение: «смершисты даже смотрели, чтобы никто не читал листовки, которые немцы разбрасывали с самолётов. Я читал.

— Доктор, а вы читаете...

— Да, читаю, — отвечал, — потому что там пишут как провоцировать и имитировать болезни». — Сумбат объяснял, что хоть он и не боялся спорить с контрразведчиком, листовки в руки он всё же не брал, а читал их с пола, расправляя ногой.

1.3 Женщина на войне

Женская тема является важной частью солдатских воспоминаний. Исходя из результатов анализа, всех женщин, которых авторы упоминают в своих воспоминаниях, условно можно разделить на две категории:

1. **Женщина – боец Красной армии.** К этому типу относились все женщины, которые попадали на фронт. Как правило, мужчины относились к ним легкомысленно и не воспринимали их, как полноценных солдат. Чаше такие женщины становились объектом романтического внимания со стороны солдат и командования.
2. **Иностранная женщина с освобожденных или захваченных территорий.** Под этот тип попадало практически все женское население Германии. Отношение к ним было разным: с одной стороны, эти женщины испытывали постоянное притеснение со стороны советских солдат. С другой стороны, в своих воспоминаниях, фронтовики описывают случаи, когда совесть солдат влюблялись в немок.

«И вот в мой взвод присылают четырех связисток, — рассказывает Леонид Рабичев. — Я лейтенант, уже через два часа звонит мне командир дивизии: «немедленно доставляй одну для боевого задания». Я начинаю врать что их нет. Через десять минут уже начальник штаба звонит, и тоже

просит прислать связистку. Я никому их не отдаю, вру. Мне начинают угрожать разжалованием, штрафной ротой, а я спасаю всех этих девиц». Леонид рассказывает, что в итоге начальство поняло, что он своих солдат отдавать не будет: «Начали меня уважать. Больше того, ко мне во взвод потом стали присылать проштрафившихся жен полевых командиров, которых поймали на измене. И в наказание устраивали им пост, и так, как знали, что я не сплю со своими солдатами — то мне полное доверие»[32. с. 100].

Аналогичный эпизод своей службы описывает и Николай Никулин: «тяжело им было в окружении мужиков. Голодным солдатам, правда, было не до баб, но начальство добивалось своего любыми средствами, от грубого нажима до самых изысканных ухаживаний». Также Николай рассказывает, что часто женщины с фронта уезжали домой по приказу «009», который означал беременность. По его словам это был не самый плохой вариант развития событий: «Бывало хуже. Мне рассказывали, как некий полковник Волков выстраивал женское пополнение и, проходя вдоль строя, отбирал приглянувшихся ему красотку. Если сопротивлялись — на губу, в холодную землянку, на хлеб и воду! Потом крошка шла по рукам, доставалась разным помам и замам»[29. с. 145].

Многие мемуаристы отмечают, что среди женщин есть множество достойных примеров героизма и отваги. Но в большинстве случаев, к женщине на фронте не воспринимали в серьез. Леонид Рабичев рассказывает, что он, проезжая мимо какой-то деревни, наткнулся на блиндаж в котором пряталась деревенская семья. Среди них была девушка, которая до войны окончила курсы связисток, но из-за начала войны не успела вернуться в город и попал в оккупацию. Попросилась в армию, очень воевать хотела: «ну я взял её с собой и уже через несколько часов мы были в штабе армии. Завожу её и представляю. Надо мной издевается мой интендант: «ты с ума сошел? ты знаешь, что с ней будет?». И началось, наутро я захожу к начальнику связи, а она одевается и встает

с его постели, её сразу же хватает начальник связи: «теперь со мной». Мне потом объяснили, что пока она со всеми не переспит у неё ничего не выйдет»[32 с. 133].

В конце войны, когда Красная Армия начала захватывать вражеские земли и двигаться на Берлин, советские солдаты всё чаще стали встречать гражданское население захваченных городов Германии. Среди этого населения, разумеется, большинство были женщины. Мемуаристы часто вспоминают, как советские солдаты обходились с местным женским населением: заставляли выполнять бытовые нужды, шить и стирать, порой такие женщины, особенно привлекательные, становились объектом сексуального внимания. Однако были случаи, когда интимная связь происходила и по обоюдному согласию: за еду, безопасность и даже по любви.

Мы часто встречаем эпизоды, в которых авторы рассказывали о своих романтических отношениях с немецкими девушками: «Я даже хотел на ней жениться, так она мне понравилась», — признавался Леонид Рабичев. Эти мечты были несбыточны, так как солдаты постоянно меняли место своей дислокации. Аналогичная ситуация встречается и в мемуарах Николая Никулина, где он рассказывает, как неделю жил с дочерью местного аптекаря: играл с ней на пианино, пытался общаться на немецком и защищал от солдат её семью. Возвращаясь в конце войны он пытался найти её снова, но не смог. Романтические отношения советских войск и немецких женщин стали очевидными, когда Красная Армия победила в войне, и начала возвращаться обратно в Советский Союз. «Я себе не поверил, если бы сам не увидел. Когда кончилась война, мы выходили из немецкого города, обратно в Москву. Ну понятно, запели, строем идём а немки плачут. Потому что наши мужики уже вошли в душу, уже освоились, сжились. Без всякой политработы, просто кончилась война», — заключает Игорь Николаев [16. с. 200].

1.4 Бой и смерть

На войне непосредственный бой, по сравнению с военным бытом, занимает малую часть жизни солдата. Однако именно эти моменты сильнее всего влияют на человека. Мемуаристы рассказывают, что именно перед боем солдаты обычно задумываются о смерти и о жизни. «Не могу забыть рассвет перед боем. Шум, грохот, скрежет, вой, бабаханье, уханье — адский концерт. А по дороге, в серой мгле рассвета, бредет на передовую пехота. Ряд за рядом, полк за полком. Безликие, увешанные оружием, укрытые горбатыми плащ-палатками фигуры. Медленно, но неотвратно шагали они вперед, к собственной гибели. Поколение, уходящее в вечность. В этой картине было столько обобщающего смысла, столько апокалиптического ужаса, что мы остро ощутили непрочность бытия, безжалостную поступь истории. Мы почувствовали себя жалкими мотыльками, которым суждено сгореть без следа в адском огне войны», -- вспоминает Никулин[29. с. 66].

Подобные ощущения описывают и другие мемуаристы, например, Игорь Николаев рассказывает, что когда они узнали, что им предстоит форсировать Днепр всем стало жутко, потому что солдаты понимали — предстоит не просто умирать, а тонуть. «Я выступил с речью перед ротой, говорил какие-то обычные слова, но скорее не выступал, а уговаривал себя. Когда говорил, вспоминал свою жизнь: как отца ночью забрали, а наутро мать плакала, как я хотел на художника поступить... Рота не слушала мои слова, она относилась к этому как к исповеди»[16. с. 47]. Из воспоминаний становится понятно, что постепенно бывалые фронтовики привыкали к смерти, которая была постоянно рядом: «В той военной жизни смерть, хочешь не хочешь, была необходимой принадлежностью войны. Не было возможности оплакивать каждую потерю, ежедневно кто-то отправлялся в вечность. Порой целые подразделения следовали туда», - - вспоминает Даниил Гранин[17. с. 346]. Эти мысли подтверждаются и Николаем Никулиным, он вспоминает, как суровый военный быт

постоянно становился обыденным: «на войне чудовищные случаи становились обыденностью. Чего стоил, например, переход через железнодорожное полотно под Погостьем в январе 1942 года! Этот участок простреливался и получил название «долина смерти». (Их много было, таких долин, и в других местах.) Ползем туда вдесятером, а обратно — вдвоем, и хорошо, если не раненые. Перебегаем по трупам, прячемся за трупы — будто так и надо. А завтра опять посылают туда же... А когда рядом рвет в клочья человека, окатывает тебя его кровью, развешивает на тебе его внутренности и мозг — этого достаточно в мирных условиях, чтобы спятить»[29. с. 86]. Никулин рассказывает, что на фронте с ним постоянно случались события, которые угрожали его жизни: «то вдруг немецкий снайпер уложил меня в воронку и не давал шевелиться до ночи, стреляя после каждого моего движения. То немец забросил в мое укрытие гранату, но, слава Богу, у меня уже выработалась четкая реакция и я успел молниеносно выкинуть ее за бруствер, где она тотчас же грохнула... То во время обеда немецкий снаряд пробил потолок в нашей землянке, но не разорвался и только шипел на полу. «Ну что, ребята, вынесите его и давайте обедать», — сказал лейтенант. Из-за таких пустяков уже никто в это время не клал в штаны. Ко всему привыкаешь»[29. с. 102].

Часто мемуаристы рассуждают о том, как были обучены солдаты Красной Армии: «треть винтовку вообще в руках не держали, -- вспоминает Игорь Николаев. – Устроили стрельбище, и я понимаю, что большинство даже не знает, что на прицеле оружия нужно выставлять разное расстояние до цели». О подготовке советских солдат отзывается и Николай Никулин: «оружие у немцев и у нас было неплохое, однако немцы были лучше обучены и не лезли зря под пули. Вспоминаю, как происходило обучение нашего, вновь сформированного, пехотного полка: мы бегали по лесу, кричали «Ура» и ни разу не стреляли по мишеням — берегли патроны»[16. с. 136]. Помимо подготовки, мемуаристы часто вспоминаю психологический настрой солдат, больше всего авторов

поражала инертность людей и их неорганизованность: «какая-то покорная инертность, которая сидит в русском народе. Им говорили: в бою не сбивайтесь в кучу, — сбегаются всё равно», -- вспоминает Николаев. По его словам, многие указания солдаты не делали из-за лени, даже несмотря на то, что от этого могла зависеть их жизнь: «я себе выкопаю щель в земле, а рядом солдат не копает — лень»[16 с. 145]. Эти мысли подтверждает и Никулин: «Если бы немцы заполнили наши штабы шпионами, а войска диверсантами, если бы было массовое предательство и враги разработали бы детальный план развала нашей армии, они не достигли бы того эффекта, который был результатом идиотизма, тупости, безответственности начальства и беспомощной покорности солдат»[29 с. 155]. Даниил Гранин в своих мемуарах отмечает, что к концу войны руководство и солдаты все же научились воевать, однако человеческие потери среди армии все равно были большие: «даже научившись воевать к концу войны, мы продолжали бессчетно транжирить своих. Хорошо воюет тот, кто воюет малой кровью. Об этом знали все, но никто с этим не считался, наверху не считались, и вниз шло. Если считали, то сколько танков сгорело, на сколько километров продвинулись. Командующих оценивали не по убитым. Интересно, как выглядели бы репутации некоторых прославленных маршалов, когда им зачли бы убитых»[18 с. 245].

Говоря о желании солдат избежать боя, мемуаристы упоминают случаи сдачи советских солдат в плен. Анализируя эти воспоминания, можно обратить внимание, на то, каким потрясением это было для авторов: «для меня это самое ужасное воспоминание о войне», -- вспоминает Игорь Николаев. Приходя новобранцами на фронт, он и другие солдаты были воспитаны советской пропагандой, всегда героически представляющей солдат Красной армии, которые никогда не сдавались. «Помню утром, во время отступления, когда из кустов вышел увидел, как по дороге идёт три немца, с винтовками — всё как положено.

А на встречу им идут наши, без оружия, с поднятыми руками. Понимаете, в этом ужас, они не убегали, не прятались, не стреляли — они выходили с поднятыми руками. Их было человек шесть. Больше всего на свете я боялся плена. Другое дело, когда человека захватывают в плен, когда он ранен, загнан в угол... Но когда человек сам выходит...» По словам Николаева немцы знали эту слабость и всячески её использовали обещая сдавшимся безопасность и пропитание. «Позже я стал понимать, тех людей, которые сдавались. Понимаете, они же не обученные, деревенские. Ни черта не понимали. С ними по человечески никто не разговаривал, а жить то хочется», -- заключает Николаев[16 с. 147]. При этом авторы отмечают, что на самом деле никакого человеческого отношения к пленным у немцев не было: «во время немецкого отступления я убедился, что рассказы об их зверствах не выдумка газетчиков. Видел трупы сожженных пленных с вырезанными на спинах звездами. Деревни на пути отхода были все разбиты, жители выгнаны. Их оставалось совсем немного — голодных, оборванных, жалких», -- вспоминает Николай Никулин[29. с. 187].

Также мемуаристы часто описывают случаи членовредительства на фронте, когда солдаты из-за страха перед сражением наносят себе увечья, чтобы отправиться в госпиталь. Эта тема подробно описана у военного врача Сумбата Сумбатова: «кто-то натирал пальцы сахаром, а потом во время анализа мочи мочился на него. Врачи находили в моче сахар, а это уже намек на сахарный диабет. Кто-то просто из окопа руку выставлял и в неё попадала пуля. Некоторые, более изощренные, вводили себе керосин под кожу, появлялись гематомы». Сумбат рассказывает, что его, как врача, просили выявлять такие случаи, и если солдат попадался — его расстреливали. Со своей стороны, врач пытался отговорить солдат заниматься членовредительством, так как расстрелять могли и его, за то, что он неэффективно выявлял эти случаи. Об этом упоминает Николай Никулин: «были самострелы, которые ранили себя с целью избежать боя и

возможной смерти. Стрелялись через буханку хлеба, чтобы копоть от близкого выстрела не изобличила членовредительства. Стрелялись через мертвецов, чтобы ввести в заблуждение врачей. Стреляли друг другу в руки и ноги, предварительно сговорившись. Особенно много было среди самострелов казахов, узбеков и других азиатов. Совсем не хотели они воевать». Никулин вспоминает, что по большей части членовредителей разоблачали и расстреливали. Он приводит в пример историю, когда в санчасти он увидел человека с оторванной рукой, рядом с которым, помимо медсестер, дежурил часовой. Позже выяснилось, пострадавший был писарем, а когда попал на фронт сильно испугался и решил оторвать себе кисть руки гранатой, чтобы поехать в тыл лечиться. И все было бы хорошо, если бы на эту историю не обратил внимание контр-разведчик: «он пошел на передовую, нашел дзот, нашел оторванные пальцы, разорванную перчатку и успел догнать Шебеса в медсанбате. Увидев его, Шебес забился в истерике и во всем сознался. Позже его расстреляли»[29 с. 145].

При этом сами авторы мемуаров с сочувствием относятся к солдатам, которые специально пытаются попасть в госпиталь. По их мнению, популярность членовредительства обусловлена невыполнимыми приказами начальства: «лейтенант отползает в сторону, а через минуту возвращается бледный, волоча ногу, — рассказывает Сумбат. — Ранило. Вспарываю сапог. Ниже колена — штук шесть мелких дырочек. Перевязываю. Он идет в тыл. До свидания! Счастливо отделался!.. Однако в душе у меня смутное сомнение: таких ран от снаряда не бывает. Пользу в ту воронку, куда уходил лейтенант. И что же? На дне лежит кольцо от гранаты с провололочкой... Членовредительство. Беру улики и швыряю их в воду на дне соседней воронки». По словам Сумбата, у лейтенанта был орден за отражение танковой атаки. А теперешний его срыв был несчастен, так как до этого пьяный майор приказал ему закидать немецкий дзот гранатами: «оказавшийся тут же неизвестный старший

сержант пробовал возражать, заявлял, что он выполняет другое приказание. Рассвирепевший майор, не раздумывая, пристрелил его. Лейтенант же пополз к доту, бросил гранаты, не причинившие бетонным стенам никакого вреда, и чудом выполз обратно. Он вернулся к нам с дрожащими глазами, а гимнастерка его была бела от выступившей соли. Беспольный риск выбил лейтенанта из равновесия и привел к членовредительству...».

О бесполезном риске часто говорят в отечественных неофициальных мемуарах. Солдаты рассказывают, что им часто ставили невыполнимые и необъяснимые боевые задачи:

«— Атаковать! — звонит Хозяин из Кремля.

— Атаковать! — телефонирует генерал из теплого кабинета.

— Атаковать! — приказывает полковник из прочной землянки.

И встает сотня Иванов, и бредет по глубокому снегу под перекрестные трассы немецких пулеметов», — пишет в своей книге Николай Никулин. По его словам, полковник знает, что атака будет бесполезна, но всё равно гонит солдат насмерть: «если у него болит душа и есть совесть, он сам участвует в бою и гибнет». Эти слова подтверждает и Даниил Гранин: «у начальства выигрывал тот, кто атаковал, кладя людей без счета, кидая в бой всё, что мог, кто требовал еще и еще, кто брал числом, мясом. Сколько было таких мясников среди прославленных наших генералов!», -- заключает Николай Никулин [29. с. 200] Из воспоминаний следует, что такая ситуация была повсеместно, даже в конце войны. Сумбат Сумбатов рассказывает, что когда начался штурм Кёнигсберга, он был врачом на переднем крае: «обычно ко мне поступали раненые от пуль, осколков. А тут начали поступать люди с разрывом внутренних органов. Я не мог понять, откуда такие увечья?» Позже выяснилось, что на поле боя стояла большая башня, на которую пытались залезть советские солдаты и установить там флаг с большими буквами «За родину. За Сталина». Это был приказ командир батальона. Флаг все же

установили, но потеряли много солдат. «Почему же шли насмерть, хотя ясно понимали ее неизбежность?». По его мнению Николая Никулина, в период битвы солдаты были охвачены ужасом: «раздумывать и обосновывать свои поступки тогда не приходилось. Было не до того. Просто вставали и шли, потому что НАДО! Вежливо выслушивали напутствие политруков — малограмотное переложение дубовых и пустых газетных передовиц — и шли»[29. с. 133]. При этом в своих мемуарах Никулин упоминает, что с одной стороны простые солдаты боялись встречи с немцами, с другой, боялись быть расстрелянными: «чтобы держать в повиновении аморфную массу плохо обученных солдат, расстрелы проводились перед боем. Хватали каких-нибудь хилых доходяг или тех, кто что-нибудь сболтнул, или случайных дезертиров, которых всегда было достаточно. Выстраивали дивизию буквой «П» и без разговоров приканчивали несчастных»[29. с. 87].

Также Никулин рассказывает, что никаких лозунгов, как показывают в фильмах, не было: «не кричали «За Родину! За Сталина!». До Сталина ли было, когда смерть рядом». Его слова подтверждает и Игорь Николаев: «Почему-то командиры не поднимали роты в победоносную атаку. Как это делалось в училище на тактике. И как происходило в “настоящих” боях. В училище мы постоянно смотрели фронтовые киножурналы. «Ура!» — и бегом вперед, под развернутым Знаменем. Немцев штыковой атакой выбивали с их позиций. «Штыковой атакой»? Я же теперь не только не видел никакого Знамени, но и не видел штыков: у стрелков их не было...» Дальше Игорь Николаев рассказывает, что на войне солдаты не носили каски, потому что так они могли отличить своих от чужих: «На передовой все в грязи вываливаются, как отличить в битве кто свой а кто чужой? По каскам, фрицы все носили их. А наши — один на сотню. Штыков не было у наших, потому что опасно для своих же, окопы-то узкие. Поэтому, когда видите хронику: каска, штык и противогаз на боку — это всё липа». Дальше Николаев вспоминает, что

ему приходилось разговаривать с оператором, который ведет документальную видеосъемку с фронта. Из разговора следовало, хроника в которой солдаты сидят по окопам не устраивала командный штаб. От операторов требовали, чтобы они снимали солдат, которые героически атакуют врага «лоб в лоб»[16 с. 167].

Непосредственно самому бою, в солдатских воспоминаниях уделяется немного внимания. Со слов авторов, когда начинается битва человек не принадлежит себе — им управляют инстинкты. И у кого эти инстинкты развиты сильнее, тот и выживает. «Главное на передовой — это чувствовать. Интуиция. Вот почему в эту дверь можно войти, а в эту нельзя? Нипочему, просто нельзя. На передовой тоже самое, если ты уцелел в первый день на передовой и у тебя выработался звериный инстинкт, то тебе повезло и у тебя есть шанс», — заключает Игорь Николаев[16. с. 200].

Выводы к главе II

1. В нашем исследовании мы определили и проанализировали общие темы, которые встречаются в солдатских мемуарах. В нашем исследовании солдатскими мемуарами признаются те воспоминания, в которых максимально натуралистично описывается военный быт солдат и те чувства, которые они испытывали находясь на боевом фронте Великой Отечественной войны. Для анализа мы брали неофициальные солдатские мемуары, которые были опубликованы после 1991 года. Всего было проанализировано три книги и 12 серий документального фильма о войне.

2. В ходе анализа было найдено несколько больших тем, которые встречаются и описываются во всех анализируемых мемуарах:

«военный быт, психологическое состояния, тыл», «женщина на войне» и «бой и смерть».

3. Тема военного быта подробно описана во всех анализируемых нами воспоминаниях. Авторы мемуаров одинаково тяжело оценивают условия, в которых им приходилось воевать. Особенно в начале войны. Также мемуаристы отмечают, что несмотря на все трудности, если солдату удастся выжить в первой битве его организм и сознание быстро подстраиваются под реалии войны, помогая выживать. Фронтовики рассказывают, что на фронте в Красной армии постоянно присутствовала атмосфера недоверия, однако это не мешало дружбе, которая быстро завязывалась между солдатами.

4. Женщины постоянно фигурируют в воспоминаниях мемуаристов, условно их можно разделить на две категории: «женщина, боец Красной армии» и «иностранная женщина, которая находилась на захваченных или оккупированных территориях». При этом отношение к этим женщинам было разным. С одной стороны, советские женщины так же, как и мужчины принимали участие в боевых действиях, однако, на фронте их зачастую не воспринимали всерьез. Мемуаристы описывают случаи, когда советские женщины становились объектом сексуального насилия со стороны военного командования армии. Аналогично поступали и с женщинами, которые находились на захваченных или оккупированных территориях. Они также становились объектом сексуального насилия, иногда и садизма. Тем не менее фронтовики описывают случаи, когда солдаты, влюблялись в немок несмотря на идеологические рамки.

5. Самому бою в мемуарах посвящено не так много внимания, как ожидалось. Однако, авторы мемуаров в своих воспоминаниях часто описывают своё состояние именно перед боем. Пребывая в состоянии страха и ужаса солдаты вспоминают свою жизнь, при этом некоторые солдаты пытаются избежать битвы занимаясь членовредительством, но в

большинстве случаев солдаты покорно ждут, потому что «надо». Сам бой описывается как череда действий, которые происходят инстинктивно и направлены лишь на то, чтобы выжить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мемуарная литература это вид документальной литературы, особенностью которого является стремление автора достоверно воссоздать описываемые события. Сам жанр предполагает, что воспоминания автора будут направлены на осмысление реальных событий прошлого, участником которых ему пришлось побывать.

На положение отечественной мемуаристики XX века сильно повлияла череда важных общественных событий, таких как Октябрьская революция и Великая Отечественная война. Так же на положение мемуаристики в отечественной истории повлиял государственный строй СССР. Из-за цензуры вся литература в СССР, в том числе и мемуаристика, делится на «официальную» и «неофициальную». В ходе анализа нам удастся выявить основные темы официальной советской мемуарной литературы, среди которых есть Великая Отечественная война.

Мы определили критерии, по которым разделили всю военную мемуаристику на несколько блоков: «генеральские мемуары», «лейтенантская проза», «блокадные мемуары», «партизанские повести» и «солдатские мемуары».

Проведя проблемно-тематический анализ солдатской мемуаристики мы смогли выделить три ключевые темы, которые встречаются практически во всех мемуарах: «военный быт, психологическое состояние, тыл», «женщины на войне» и «бой и смерть».

В солдатских воспоминаниях большое внимание уделено военному быту. В отличие от всех остальных мемуаров, солдатские максимально подробно описывают «окопную жизнь» и концентрируют своё внимание на личность солдата, которому приходилось выживать на войне. Также мемуаристы постоянно вспоминают про женщин на фронте. Анализируя их воспоминания, можно сделать вывод, что к женщинам, которые попадали на фронт, как бойцы Красной армии, солдаты и начальство

относилось легкомысленно. А женщины, которые встречались бойцам на захваченных или освобожденных территориях, являлись объектом сексуальной и бытовой эксплуатации. Тема боевых действий также находит своё подробное описание в солдатских мемуарах. Боя описывается солдатами от первого лица, что принципиально отличает их воспоминания от генеральских.

Можно сделать вывод, что российской науке еще только предстоит полноценно и всесторонне изучить Великую Отечественную войну. Темы, которые затрагиваются в солдатских мемуарах, показывают войну с другой стороны, такой, какой она еще не была отражена в официальных советских мемуарах.

Список использованной литературы и источников

1. Яценко В. Деятельность военных округов в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. - 1985. - № 2. - С.32 - 40.
2. 1941 год - уроки и выводы / Под ред. Е.В. Жукунова. - М.: Воениздат, 1992. - 240 с.
3. Анфилов В.А. Провал "Блицкрига". - М.: Наука, 1974. - 279 с.
4. Анфилов В.А., Голиков Ф.И. Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами. - М.: Вече, 2005. - 512 с.
5. Батов П.И. Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Вып.1. - М., 1971. - С. 209 - 284.
6. Белобородов А.П. Ратный подвиг. - М.: Политиздат, 1965. - 110 с.
7. Боевой путь Советских Вооруженных Сил / Ред.В.Е. Зубаков. - М.: Воениздат, 1960. - 571 с.
8. Бубнов А.С. О Красной Армии: Статьи, речи и доклады. - М.: Воениздат, 1958. - 240 с.
9. Великая Отечественная война 1941 - 1945 гг.: Военно-исторические очерки: В 4 кн. Кн.1: Суровые испытания. - М.: Наука, 1998. - 371 с.
10. Великая Отечественная война 1941 - 1945. Словарь-справочник. - М.: Политиздат, 1988. - 615 с.
11. Великая Отечественная война 1941 - 1945. Энциклопедия. - М., Советская энциклопедия, 1985. - 529 с.
12. Великая Отечественная война Советского Союза 1941 - 1945: Краткая история / Н.И. Анисимов, П.П. Богданов, Е.Ю. Богуш и др.; Ред. комис.: П.Н. Поспелов (пред.) и др.; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - М.: Воениздат, 1965. - 617 с.
13. Военные вопросы в документах КПСС и Советского государства: Аннот. библиогр. указ. - М.: Воениздат, 1980. - 461 с.

14. Ворошилов К.Е. Сталин и Красная Армия. - М.: Воениздат, 1942. - 45 с.
15. Генеральный штаб. Военно-научное управление: Сб. документов Великой Отечественной войны. Вып.37. - М.: Воениздат, 1959. - 369 с.
16. Гишко Н.С. ГКО постановляет: Документы и материалы // Военно-исторический журнал. - 1992. - № 2. - С.31 - 38.
17. Гранин Д.А. Мой лейтенант. - М.: Эксмо, 2011. - 558 с.
18. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. - М.: Изд-во АПН, 1971. - 703 с.
19. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. - 13-е изд., испр. и доп. по рукописи автора. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. - Т.1. - 468 с.; Т.2. - 514 с.
20. Законодательные и административно-правовые акты военного времени (с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г.). - М.: Юриздат НКЮ СССР, 1942. - 144 с.
21. История второй мировой войны. 1939 - 1945: В 12 т. / Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР, Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т всеобщей истории АН СССР, Ин-т истории СССР АН СССР. - М.: Воениздат, 1973 - 1982.
22. Карманов А.И. Подготовка офицерских кадров в предвоенный и начальный периоды Великой Отечественной войны // Память ушедшего века: Сб., посвящённый началу Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии 1941 - 1945 гг. Вып.1. - М.: ВНО КЦ
23. Ковпак С.А. От Путивля до Карпат. - М.: Воениздат, 1945. - 221 с.
24. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 г. - 1945 г.): Документы и материалы. - М.: Политиздат, 1970. - 494 с.
25. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и

- решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 - 1970). -
Изд.8-е, доп. и испр. - Т.6: 1941 - 1954. - М.: Политиздат, 1971. - 527
с.
- 26.Кошевой Н.К. В годы военные. - М.: Воениздат, 1978. - 361 с.
- 27.Красная Армия в июне 1941 года: (Статистический сборник) / К.А.
Калашников, В.И. Феськов, А.Ю. Чмыхало, В.И. Голиков; Том. гос.
ун-т. Факультет военного обучения; Науч. ред.Э.И. Черняк. - Томск:
Изд-во Том. ун-та, 2001. - 199 с.
- 28.Макаренко Е.А. Исторический взгляд на мемуарный источник. М.:
БДУ, 2005 – 112 с.
- 29.Николаев И. И. Лейтенанты. - М.: Звезда 2009. - 219 с.
- 30.Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. М.: Издательство Эрмитаж,
2008. – 215 с.
- 31.Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 - 21.06.1941
года. - М., 1994. - 328 с.
- 32.Рабичев Л. Н. Война все спишет. - М.: Авалон, 2008. - 626 с.
- 33.Рокоссовский К.К. Солдатский долг. - М., 2000. - 453 с.
- 34.Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение в
годы Великой Отечественной войны. 1941 - 1945 гг.: Документы и
материалы. - М.: ТЕРРА, 1999. - Т.20 (9). - 386 с.
- 35.Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного
комиссара обороны СССР. 1937 г. - 21 июня 1941 г. - М.: ТЕРРА,
1994. - Т.13 (1-2). - 369 с.
- 36.Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного
комиссара обороны СССР.22 июня 1941 - 1942 гг. - Т.13 (2-2). - М.:
ТЕРРА, 1997.
- 37.Сборник боевых документов Великой Отечественной войны.
Вып.37. - М.: Воениздат, 1959. - 298 с.
- 38.Сомерс Моэм. Подводя итоги. - 3-е изд. - М.: экспо, 2008. - 320 с.
- 39.Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937 - 1938. - М., 1998. - 328 с.

- 40.Тарковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII века. – М.: БДУ, 1991 – 8 с.
- 41.Тельпуховский Б.С. Великая Отечественная война Советского Союза 1941 - 1945: Краткий очерк. - М.: Госполитиздат, 1959. - 575 с.
- 42.Тельпуховский Б.С. КПСС во главе строительства Вооруженных сил СССР, октябрь 1917 - 1982 г.: Исторический очерк. - М.: Политиздат, 1983. - 285 с.
- 43.Типпельскирх К. История Второй Мировой войны, 1939 - 1945: Научно-популярное издание. - СПб.: Полигон, 1999. - 795 с.
- 44.Цыганок А.Д. А готовились воевать на чужой // Независимое военное обозрение. - 2005. - № 22. - С.3.
- 45.Шапошников Б.М. Воспоминания: Военно-научные труды. - М.: Воениздат. 1974. - 572 с.
- 46.Шкадов И.В. Офицерский корпус в годы войны // Военная мысль. - 1975. - № 5. - С.32.
- 47.Шунков В.Н. Красная Армия. - М., 2003. - 421 с.